

Уже не Бендер, еще не Бержерак

Рос. газета. - 2000. - 17 марта. - с. 25

Сергею Юрскому 16 марта исполнилось 65 лет. Я позвонила ему и призналась: хочется к юбилею сделать хорошее интервью. Сергей Юрьевич с тонкой иронией "отболтался" от юбилейной темы, заверив, что к круглой дате гораздо приятнее не самому отвечать на вопросы, а прочитать о себе мнение других. Что ж, желание юбиляра, да еще столь любимого всеми, для нас закон.

Пушкин на спор

Ежевечерне я пытаюсь противостоять засилью массовой культуры в самом бездарном ее проявлении: льющемся с экрана телевизора черепашки-ниндзя, команды "А", репперы перемежку с интерактивными опросами буквально зомбируют младшее поколение. Случайно пульт "нарвался" на Сергея Юрского, читавшего "Евгения Онегина". Поколение "next" остолбелело: замученные школьной программой слова блистали живостью, интонационной насыщенностью, затертый смысл играл новизной... Ребятына закричала: "Ося Бендер Татьяне Лариной в любви признается!"... На несколько телевечеров икс-файлы и сигалы уступили место великому актеру и гениальной поэзии. Дети признали Пушкина. Спасибо за то товарищу Юрскому.

Вообще-то отец его — худрук Московского цирка — был категорически против актерской профессии для своего любимца Серреженки. Папа честно признался, что не видит в Сергее ни таланта, ни внешних данных, ни той искры Божьей, с которой и можно нести всю тяжкую ношу актерского ремесла... Сам Юрий Юрский знаменит был тем, что стал практически "основположником" разговорного жанра, создав первую подобную студию для подготовки клоунов. Не тех, что, разбив нос, смешат зрителя, а тех, кто заставляет испугаться, улыбнуться, разозлиться лишь из-за пары фраз... Возможно, от отца тянутся ниточки к столь трепетному отношению у Юрского к слову, что должно быть произнесено артистом. Оттуда же любовь к шуткам — иногда очень злым, иногда многопластовым, но всегда по-аристократичному изящным и вовсе не беззубым...

Когда-то к Пушкину Юрского бросила мальчишеская азартность: поспорил с друзьями-студентами, что за

ночь выучит наизусть поэму. Спор выиграл. А трепетно-восторженное преклонение перед словом великого поэта и блестящей той эпохой осталось. Сейчас в багаже у актера семь фильмов "Евгений Онегин", новая программа "Пушкин и другие", показанная не только в России, но и за рубежом. И конечно, "Маленькие трагедии" — одна из первых его работ для телевидения.

Сам Сергей Юрьевич не раз подчеркивал, что сегодня мы живем в постпушкинскую эпоху, которая началась с празднования двухсотлетия поэта. И если до 6 июня 1999 года в течение двух веков Россия была влюблена в саму суть слова, в литературу как таковую, ставшею сутью не только основной гениальных романов, театральных постановок, но и политических манифестов, то сегодня про слово как-то забыли. И вряд ли Пелевин заменит Достоевского, а Сорокин — Гоголя... И вряд ли, вряд ли пушкинскую безудержную изящность гения можно увидеть в современной пошлости постсоветской литературы. Вот и остается нам "Александр Сергеевич и другие" — к ним, как к мастерам "игры со словом", относит Юрский в своей программе и Хармса, и Евгения Попова. В конце концов дождался: кто-то из журналистов так и окрестил Сергея Юрьевича — "последний из пушкинских могокан"...

Выломки эпохи

С четырнадцати лет Сергей мечтал стать комедийным актером. Но пошел учиться на юриста в Ленинградский университет. Вопреки воле отца (который все же признал талант и успехи сына-актера в конце своей жизни) поступил затем в Ленинградский институт театра, музыки и кино. Сергея взяли в труппу знаменитого БДТ. Великий Товстоногов дал его таланту раскрыть-

ся. После театрального признания приходят первые успехи в кино. Он получает роли в "Повести о молодоженах", "Достигаеве и других", "Кюхле", "Крепостной актрисе". Оглушительный успех в работе с Михаилом Швейцером и в "Золотом теленке", и в "Маленьких трагедиях"...

Но Юрский всегда считал себя театральным актером. И мог бы заявить: "Я себя под Товстоноговым чищу"... Георгий Товстоногов, как никакой другой режиссер умевший увидеть и извлечь из души актерской на свет необыкновенные вещи, двадцать лет работал с Юрским. Он же "благословил" его на постановку булгаковского "Мольера" (это в те-то годы!). Правда, благословил своеобразно: сначала Юрский, вдохновленный успехом своей "Фиесты", приставал к режиссеру с предложением поставить ее в БДТ. Товстоногов предложил "идею похоронить". Взамен обещал согласиться на другую "идею". Юрский через неделю буквально телеграфным текстом парировал: "Мольер Булгакова". Помня свое обещание, Товстоногов дал добро. Тот спектакль давали более сотни раз...

Почти всех своих киногероев, столь любимых и признанных зрителем, Сергей Юрский определил как "выломки эпохи". Остап Бендер — гениальный авантюрист, одержимый идеей разбогатеть. "Невписывающийся" в рамки советского романтизма Викниксор из "Республики ШКИД". Раздражающий своей беспомощной интеллигентностью Груздев в кинохите "Место встречи изменить нельзя". "Терпеливый" герой стыка 70-х и 80-х, сам определяющий кто он в этой эпохе — победитель или проигравший (спектакль "Фантазия Фарятева" и фильм "Чернов", где Юрский дебютировал как сценарист и кинорежиссер)... Сегодня обществом востребованы две грани жестокости и прагматизма, когда супермен или преступник, или тот, кто за

ним охотится. Юрскому такое кино отвратительно. Поэтому он столь предан театру. А восемь лет назад даже организовал "АРТель АРТистов Сергея Юрского", что не мешает ему последние два десятка лет быть актером и режиссером театра им. Моссовета.

Он резок, категоричен в оценке современного кинематографа. Наше кино ответило премией "Кинотавра" в номинации "Фильм для избранных". Продюсеры, суетливые околотворческие дельцы иногда делают Сергею Юрьевичу щедрые предложения "засветиться среди звезд". Он этих "звезд" презирает или жалеет, говорит, что с горечью наблюдал, как часть "хороших артистов стерлась". Принципиальность — штука редкая во времена, когда душа актера стевенит в ожидании телефонного звонка с предложением сыграть ну хоть что-нибудь! Юрский советует в такие минуты вспомнить, что и вашего звонка кто-то да ждет...

Каждая его роль вписана в историю нашего театрального искусства и кинематографа: Мольер и Чацкий, Генрих IV и Импробизатор, "Золотой теленок", "Ищите женщину", "Король-олень", "Время, вперед!", "Интервенция"... Что можно было от него еще ожидать — прокуратора Иудеи в белом плаще с кровавым подбоем или Сирано де Бержерак? Я — за безумного поэта и отвергнутого влюбленного. Юрский как-то сказал, что нет у него этой "утренней тоски" по каким-то ролям. Персонаж Ростана хорош для особой востребованности временем: сегодня Сирано не ко двору в нашем королевстве, где виртуозность техники

заменяет вдохновение. В театр пришла мишура бродвейской продажности или наигранной избранности, когда некий выверт переучившегося умника режиссера кроит по живому великие пьесы прошлой, "пушкинской эпохи". Вот и наш юбиляр признается, что модный Петер Штайн его напугал своей одержимостью переработать Шекспира. От роли Гамлета у Штайна Юрский отказался. Не знаю, что сказали ему дома две любимые женщины и актрисы (супруга Наталья Тенякова и дочь Дарья Юрская), но иметь мужество не играть в заведомо успешных постановках — это дорогого стоит.

Что у актера в ящичке

Он лет тридцать как пишет стихи. Сборник поэзии "Жест" разошелся мгновенно, как и другие его книги: "Кто держит паузу", "Содержимое ящичка", "Сюр", "Узнавание". Его рассказы не только публикуют толстые журналы — год назад актеру и режиссеру Юрскому вручили израильскую литературную премию за рассказ "СЕЮКИ". На вручение он откликнулся "черным юмором" в футуристической притче про 1999 год...

Мир персонажей Юрского вплетен в столь ожидаемый его поклонниками хороший, добрый русский язык. Здесь легко угадывается в язвительности — надлом, в злословии — ностальгия по человечности. Заигрывания с читателем нет, есть глубокое уважение к литературе. Тому, кто предпочитает развлекательную жвачку (эдакую "массовость" и доступность нынешней культуры), писатель Юрский не нужен. Он значим для тех, кто ждет новых Аверченко наступающего тысячелетия. Быть может, в нашей признательности многогранности талантов этого изящного эстета от искусства мы так и не сможем выбрать, кто нам милее: актер, режиссер, писатель... Но главное в том, что он и сегодня дарит нам всего себя, без остатка.

Свой юбилей Юрский решил отметить... провокацией. В театре "Школа современной пьесы" он готовит к премьере спектакль "Провокация" по одноименной пьесе Игоря Вацетиса. В главной роли — сам Сергей Юрьевич.

Юлия МАЛАХОВА.
Фото архив "РТ".

Умные мысли от Сергея Юрского

За опубликованный в журнале "Знамя" рассказ "СЕЮКИ" Сергей Юрский получил год назад свою первую литературную премию. Приз за лучший рассказ года был ему вручен институтом образования Иерусалима. Юрский не мог не ответить на вручение истинно по-писательски: его ответное приветствие превратилось в памфлет памяти 1999 года, которого так ждали и так боялись...

О времени: Господа! Первую свою литературную премию я получил, как это ни странно звучит, еще в прошлом веке. Дело было в одна тысяча 999 году под Старый Новый год.

Сейчас уже трудно представить тревожную атмосферу того времени. Теперь в условиях достигнутого наконец равновесия и общественного спокойствия наша слепота тех дней представляется, мягко говоря, комичной. Сколько раз было сказано: "Человечество, смеясь, расстанется со своим прошлым". Давайте и мы, смеясь, я бы сказал, хохоча, вспомним и расстанемся с нашими заблуждениями того времени.

Мы (я имею в виду общество в целом) очень походили на больного, которому показана операция. Надо только назначить день этой опасной и болезненной по последствиям процедуры. Но пациент никак не может решиться и торгуется с хирургом.

— Доктор, а нельзя ли мазями или каплями?

— Нет! — сурово говорит хирург. — Отрезать надо, иначе будет еще хуже.

— Ой, доктор! А наркоз общий?

— Нет, местный. У нас нет средств на общий наркоз. Если только вы сами оплатите...

— О, нет... я сам не оплачу. Нечем.

— Тогда местный.

— А не больно, дорогой доктор?

— Конечно, не больно. Это только кажется, что больно.

— А долго? Долго все это?

— Ну, если дергаться не будете, то не так уж и долго.

— Ой, доктор!

Теперь можно признаться: мы боялись тогда переступить черту этого подозрительного года, но-

Крестышки

мер которого — 999 — перевернутое число сатаны — 666. Мы не знали тогда, как это понимать: означает ли перевертыш, что это НЕ год сатаны, или, наоборот, именно сатана правит бал и прячется за простой переменной верха и низа.

Странное было время. Очевидные вещи ускользали от нашего понимания. Мы словно не хотели понять, что чем скорее начнется неизбежное, тем скорее оно и кончится.

О наших критиках: Современные критики не умеют хвалить. Вот ругаются гениально. А если надо сказать об авторе что-то хорошее, куда девается их талант? Эти критики возбуждаются только тем, что им противно. Я не хотел бы, конечно, чтоб меня долбали, но чтобы меня так хвалили — уж лучше не надо.

О нашей интеллигенции: Ведь у нас страна по большому счету — страна интеллигенции, и это имело бы значение. И были люди, которые помнили о соевести и чувствовали некий божественный зов, которому они готовы были следовать и для которого могли жертвовать всем остальным. Это было важное, великое чувство, которое куда-то исчезло... По наивности, по склонности к эйфории, по отсутствию чувства меры, а иногда и по корыстным причинам интеллигенция не выполняла своих функций и сейчас расплачивается.

О наших "новорусских" деньгах: Может быть, деньги всегда и везде хамские. Я наблюдаю другое: обилие денег на земном шаре прямо пропорционально количеству нищих — скоро их будет больше, чем ненищих. С другой стороны, деньги могут спасти от смерти, и я это тоже видел.

О нашем искусстве: Сегодня состояние искусства очень тревожно. За честный, талантливый, доставляющий радость людям труд платят мало или не платят совсем, а за нечестный, легкий, низкопробный можно получить очень много. В искусстве нужно уметь ходить по проволоке, чтобы в этом деле не умереть с голоду, с одной стороны, а с другой стороны — нужно не предавать себя и то, чем ты занимаешься.

О наших студентах: Не иду в преподаватели, потому что боюсь ответственности. Если мои студенты будут бесталанны, это ужасно. Если — талантливы, еще хуже: куда их сунуть?

О наших "звездах": Часть их оборзевшие журналы все время нам предъявляют — омерзительная вещь. "Звезды" вспыхивают и гаснут, сменяя друг друга все с большей скоростью, они утопают в самодовольстве.